

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

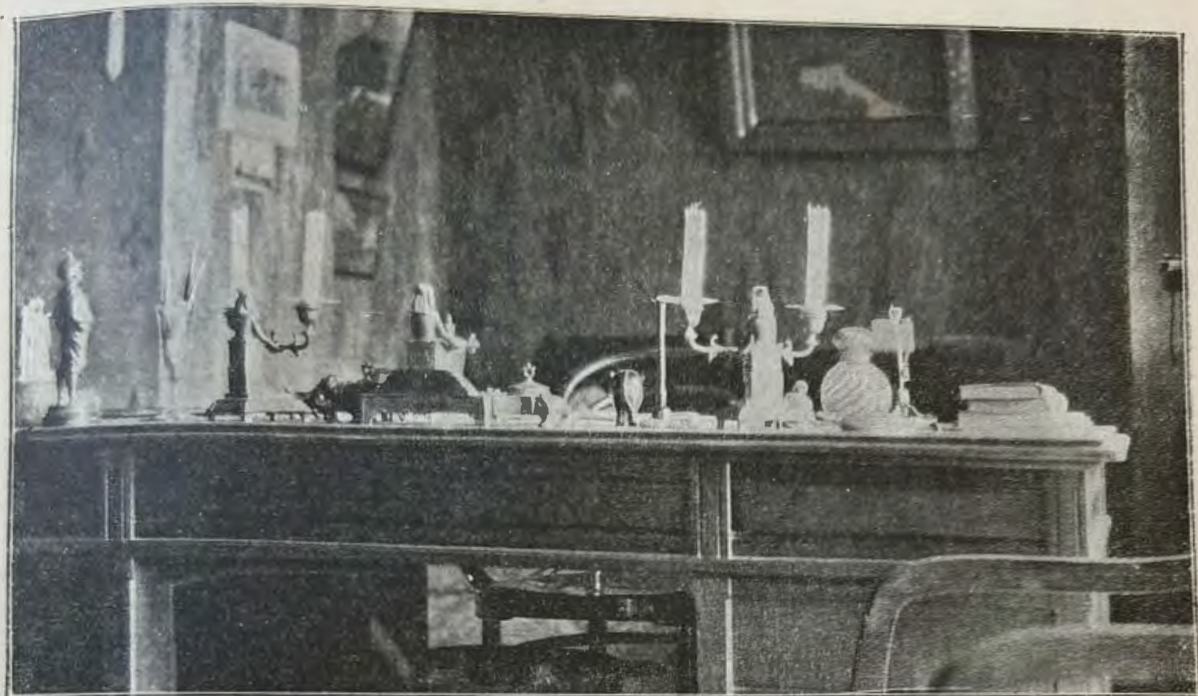
Arizona Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

А. П. Чеховъ въ разные годы своей жизни.

Письменный столъ А. П.

Въ сумерки.

(Дорогой памяти А. П. Чехова).

Въ свѣжій осенній день, усталый, я возвращался домой по степи. Поблекшая трава изрѣдка дрожала отъ набѣгавшаго вѣтерка и казалось, что ей было холодно, страшно холодно. Впереди, въ оврагѣ вилась безъимянная рѣчка, и на изгибахъ блестѣла стальной, холодной чешуей, въ которую некому уже было глядѣться: сторожевые камыши умерли, далекая синева неба помутнѣла въ наступавшихъ сумеркахъ, а одинокая рѣчка шла впередъ, какъ путникъ, передъ которымъ нѣтъ никакой цѣли. И я шелъ впередъ, замедляя отъ усталости шагъ, и холодное одиночество вмѣстѣ съ надвигавшимися сумерками охватывало меня все больше и больше. Глазу не на чемъ было оста-

новиться въ пустой и непріютной степи съ ея дрожащей травой. Вдругъ гдѣ-то далеко, далеко, что-то застучало и смолкло, и я долго прислушивался къ умиравшимъ въ воздухѣ звукамъ. Потомъ опять застучало, и похоже было на то, что кто-то колотить по застывшей землѣ палкой. Я остановился и сталъ вглядываться. Что-то большое съ неувимыми очертаніями надвигалось на меня по дорогѣ, а стукъ переходилъ въ ровный и непрерывный грохотъ.

— Да это кто-то ѣдетъ на телѣгѣ, сообразилъ я и посторонился.

Мужикъ въ рваномъ полушубкѣ ѣхалъ, стоя на телѣгѣ, и размахивалъ концами вожжей, которые тяжело шлепались по бокамъ его потной клячки. Онъ гналъ куда-то въ степь, торопясь, и неизвѣстно зачѣмъ, поровнявшись со мной, крикнулъ:

— Держись, баринъ!

И опять я слушалъ, какъ умиралъ стукъ въ пустой степи, и смотрѣлъ, какъ обрывки тучъ, все время заслонявшіе угасавшее солнце, въ недосыгаемой вышинѣ гнались за исчезнувшимъ въ степи мужикомъ. Стукъ, наконецъ, замолкъ и стало почему-то еще непріятнѣе... Я прибавилъ шагу. Слава Богу, недалеко и домъ. Вотъ и роща на краю оврага. Но какая она теперь угрюмая, суровая и строгая со своими полуобвалившимися листьями! Здѣсь внизу тихо, такъ тихо, какъ въ покинутомъ храмѣ, и только вверху идетъ сдержанный, точно негодующій ропотъ. Я присѣлъ на завалинкѣ лѣсной избушки рядомъ со старикомъ-караульщикомъ. Старикъ смотрѣлъ куда-то вдаль, въ степь, и молча жевалъ сморщеннымъ, беззубымъ ртомъ. Долго сидѣли мы молча, и каждый былъ занятъ своими, совсѣмъ чужими другъ другу мыслями. Вдругъ на самомъ краю горизонта, прорвавъ тучи, вспыхнуло солнце. Холодное, умиравшее, какъ все кругомъ, оно на нѣсколько минутъ бросило яркіе блики на степь, а въ рощѣ надъ нашими головами, какъ живое, зашевелилось червонное золото листьевъ. На противоположномъ берегу ов-

рага освѣтилось село; стали видны и высокіе журавли колодцевъ, и лохматая, почернѣвшія отъ дождя и времени крыши избъ, и кучи свѣжей соломы на гумнахъ. Женскій визгливый голосъ запѣлъ было пѣсню, но скоро оборвался, точно конфузясь. И солнце погасло... О, какой холодный; жуткій мракъ наступилъ сразу! Исчезли очертанія села, оврага и рощи, и мракъ торжествовалъ свою побѣду въ пустой, холодной, неприютной степи.

— Скучно, дѣдушка! проговорилъ, наконецъ, я.

— Что за скука. Кака така скука! отвѣчалъ онъ, нѣсколько помолчавъ.—Кончилось наше времечко, на полати пора на всю зиму.—вотъ что. Только бѣдно больно вездѣ, акъ какъ бѣдно! Бѣдность, ну и извѣстно—грязь, вонь и все такое. Бѣдно, а ты говоришь—скука!

Мы еще посидѣли немного и я побрелъ въ свой пустой, одинокій домъ, торопясь къ уютному свѣту рабочей лампы. Но не спорилось у меня въ этотъ вечеръ работа, и не могъ я къ ней приковать своихъ мыслей...

Съ фотографической карточки на письменномъ столѣ глядитъ на меня твое лицо,—милый, дорогой, ушедшій навсегда другъ. Въ моей памяти живы и всегда будутъ жить твои рѣчи, твой короткій смѣшокъ и выраженіе твоихъ глазъ—то грустныхъ и тоскующихъ, то вспыхивавшихъ искрами могучаго, непобѣдимаго юмора. Ты любилъ жизнь и ушелъ изъ нея, какъ яркій солнечный лучъ. Встрѣтивъ сумерки жизни, ты осмыслилъ ихъ и воплотилъ въ неувыдающихъ образахъ. Но какъ ты вѣрилъ, какъ мы всѣ вѣрили въ твой призывъ къ жизни красивой, изящной и умной! Вѣдь она придетъ же къ намъ, эта жизнь! И угасая на далекой чужбинѣ, даромъ же ты сравнивалъ чужую жизнь съ своей родной, даромъ твоя умиравшая мысль билась такой горячей, страстной любовью къ родной сторонѣ. Только зачѣмъ, зачѣмъ такъ

рано красивые цвѣты, лавровые вѣнки и вѣнки изъ вишневыхъ листьевъ, сорваны и сплетенные для тебя твоей родиной,—достались твоей могилѣ?... Съ фотографической карточки на письменномъ столѣ глядитъ на меня твое лицо, милый, дорогой другъ... Я попрежнему, но теперь уже мысленно, бесѣдуя съ тобой, и тихо теплится моя одинокая рабочая лампа. А за окномъ давно уже кончились сумерки и стоитъ молчаливая, холодная ночь. И мнѣ кажется, что я разгадалъ ея думы: она ждетъ. Ей страстно хочется одного,—разсвѣта и солнца, яркаго, горячаго солнца...